

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ В ОЦЕНКЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА- ЛЕНИНИЗМА

Статья А. Нифонтова

Среди многочисленных и разнообразных по своему содержанию трудов основоположников марксизма-ленинизма мы не имеем ни одной работы, специально посвященной Н. А. Добролюбову. Но наряду с этим и в работах, предназначенных для печати (и опубликованных), и в частной переписке, наконец, и в личных заметках и рабочих записях Маркса, Энгельса и Ленина имя Добролюбова упоминается неоднократно. Эти тексты не дают развернутой характеристики Добролюбова, как правило, очень лаконичны, встречаются довольно редко и при сплошном чтении их в контексте обычно играют подсобную роль — служат примерами и аналогиями для уяснения основной мысли авторов. При внимательном ознакомлении с этими текстами становится совершенно ясно, что яркая фигура ближайшего соратника Н. Г. Чернышевского не только привлекала пристальное внимание Маркса, Энгельса и Ленина, не только им была хорошо известна, но получила в их работах меткую и четкую характеристику, основанную на внимательном изучении произведений и всей деятельности Н. А. Добролюбова.

I

Маркс и Энгельс имели возможность познакомиться с произведениями Добролюбова в оригинале, так как изучали русский язык и в подлиннике читали русские книги, посылаемые им из России. На этом вопросе следует несколько задержаться, так как, помимо непосредственного отношения к рассматриваемой нами проблеме, он несомненно имеет самостоятельный интерес.

Исключительные лингвистические способности Маркса и Энгельса общеизвестны. Но и при таких способностях совершенно поразительны их успехи в овладении русским языком, столь отличным от других европейских языков и являющимся для иностранцев особенно трудным.

Изучать русский язык Энгельс начал раньше Маркса — в 1854—1856 гг., в связи с Крымской войной. Однако, к концу 60-х годов, очевидно благодаря отсутствию постоянной практики, приобретенные в этой области знания он в значительной мере утратил, в чем откровенно признавался в переписке с Марксом (см. его письма к Марксу от 23 января 1868 г. и от 3 марта 1869 г.)¹. Энгельс возобновил свои занятия по русскому языку в середине 70-х годов, что оказалось необходимым при работе над статьями «Об эмигрантской литературе» (для «Volksstaat'a»). К этому времени Маркс уже изучил русский язык и у него, как и у Энгельса, установились прочные связи с рядом русских революционеров и ученых, снабжавших их, как увидим дальше, русскими изданиями не только по экономике, но и по самым разнообраз-

ным вопросам. Все это несомненно давало Энгельсу постоянную практику по русскому языку.

Изучение русского языка Марксом относится к самому концу 1869 г. и к началу 1870 г. После выхода в свет I тома «Капитала» (в 1867 г.) Маркс усиленно работал над подготовкой к печати II тома, который по первоначальному замыслу должен был охватить и процесс обращения капитала и характеристику процесса капиталистического производства в целом,—разбивка этих вопросов на два самостоятельных тома (второй и третий) произведена позднее, после смерти Маркса.

Работая над теорией земельной ренты, Маркс естественно особый интерес проявлял к аграрному вопросу, предприняв и в этой области самостоятельные исследования. Занятия аграрным вопросом заставили его обратить внимание на историю и современное положение Ирландии и России, а углубленное изучение обильных материалов на многие годы задержало окончание подготовки к печати II тома «Капитала» и сделало необходимым изучение русского языка. По этому вопросу мы имеем свидетельство самого Маркса— в письме его к Л. Кугельману от 27 июня 1870 г.: «Что касается настойчивых требований Майснера по поводу II тома, то не одна только моя болезнь мешала его окончанию в течение всей зимы. Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточнику русские отношения земельной собственности»².

Непосредственным толчком для занятий русским языком послужило получение Марксом из России работы Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (изд. Полякова, СПб. 1869 г.). Эта книга не могла не заинтересовать Маркса, и 23 октября 1869 г. он пишет Энгельсу: «Из Петербурга мне прислали том Флеровского в 500 страниц, о положении русских крестьян и рабочих. К сожалению, по-русски. Человек этот работал над книгой 15 лет»³. Таким образом Маркс в это время русским языком еще не владел.

Но, как мы уже указали, к концу 1869 г. у Маркса назрела потребность самостоятельно разбираться в подлинниках русских изданий и он, отказавшись от посредничества Энгельса и Боркгейма, которые, обычно в форме конспективных переводов, знакомили его с русскими изданиями, принимается за изучение русского языка в ноябре того же года. В письме от 29 ноября к Кугельману Маркс мельком замечает: «Я кроме того начал изучать русский язык ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России»⁴. А 17 января 1870 г. жена Маркса писала Энгельсу, что Маркс «стал с пылом и жаром изучать русский язык»⁵.

Изучение русского языка Маркс начал с чтения «Тюрьмы и ссылки» Герцена. Сохранившиеся экземпляры первых прочитанных Марксом книг носят следы тех приемов, к которым он прибегал при своих занятиях неизвестным ему языком. Вот как об этом пишет В. Зензинов, разбиравший русские книги из библиотеки Маркса в 1900—1901 гг.:

«...Маркс изучал русский язык — методом, который я встретил только здесь и который сам я по этому примеру позднее успешно применял при изучении иностранных языков. А именно: встречая незнакомое слово, Маркс ставил над ним цифру и значение этого слова выписывал здесь же на полях под соответствующими цифрами по-немецки. Этим соблюдалась экономия в выписывании слов в отдельную тетрадку, и, кроме того, при вторичном просмотре легче было из общей связи фразы догадаться и запомнить смысл каждого выписанного слова. Благодаря такому способу многие русские книги, которые читал Маркс, были испещрены на полях сплошной сеткой выписанных слов. Толстая книга Флеровского была вся таким образом про-

работана Марксом. Но, как я выше сказал, Маркс очень охотно вообще делал примечания на полях и по существу прочитанного, при чем припоминаю, что нередко эти примечания носили чрезвычайно резкий и язвительный характер. Я уже тогда обратил внимание на особенность книг, которыми Маркс пользовался, — видно было, что книг, над которыми Маркс работал, он не жалел, оставляя на них крепкую печать своей работы»⁶.

Чтение книги Герцена было закончено 9 января, о чем свидетельствует пометка, сделанная рукой Маркса в конце ее⁷. Очевидно непосредственно после этого Маркс принялся за чтение упомянутой выше книги Флеровского. 10 февраля он писал Энгельсу: «Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани)»⁸. По-видимому, уже к 24 марта чтение книги было закончено, — в письме к русской секции Интернационала от 24 марта 1870 г. Маркс о труде Флеровского пишет, как о прочитанном⁹.

Таким образом усилия Маркса увенчались полным успехом, — буквально в течение 3—4 месяцев он смог овладеть русским языком и с середины 1870 г. имел полную возможность в оригинале читать русские издания.

В начале 70-х годов крепнут личные связи Маркса с русскими, которые присылают ему в изобилии русскую литературу, — Маркс имел постоянную практику, закрепляющую приобретенные познания, и действительно компетентных лиц в знании нового для него языка¹⁰.

Достаточно напомнить, что с 1870 г. в Лондоне поселился Г. А. Лопатин, предпринявший перевод «Капитала» на русский язык и часто встречавшийся с Марксом. В том же 1870 г. эмигрировал за границу (бежав из ссылки) и П. А. Лавров, примкнувший к Интернационалу. В начале того же года Маркс принял предложение быть представителем в Интернационале от русской колонии в Женеве, о чем 24 марта 1870 г. писал Энгельсу¹¹.

С начала 70-х годов оживляется переписка Маркса с Даниельсоном¹² и около середины 70-х годов устанавливается знакомство с М. М. Ковалевским, находившимся с 1872 по 1879 г. за границей.

Как видим, все эти личные связи Маркса с новым поколением русских — с эмигрантами-революционерами и литераторами в первую очередь — завязываются с начала 70-х годов, т. е. как раз в то время, когда Маркс, овладев русским языком, имел возможность широко ознакомиться как с современным положением России, так и с ее историей.

Неудивительно поэтому, что к этому же периоду относится уточнение Марксом и Энгельсом оценки русских. Широко известна следующая характеристика русских, данная Марксом в его письме к Кутельману от 12 октября 1868 г.

«Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет беспрепятственно боролся, и не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими «доброжелателями». В 1843—1844 гг. в Париже, тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашло такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский. Но этому не следует придавать большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее турманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодьями»¹³.

Эта отрицательная характеристика была выводом из личного знакомства Маркса с теми представителями русской интеллигенции, которых он

встречал в течение 40-х и 50-х годов. Все они вышли из рядов дворянства. Только в начале 70-х годов Маркс и Энгельс познакомились с представителями другого типа русских интеллигентов.

14 июня 1872 г. Энгельс писал И. Беккеру: «Русское издание [«Капитал». — А. Н.] уже вышло и оказалось очень удачным. Что касается русских вообще, то между приехавшими в Европу еще раньше русскими дворянами-аристократами, к которым принадлежат Герцен и Бакунин и которые все жулики, и теми русскими — выходцами из народа, которые приезжают теперь, — разница огромная. Среди них есть люди, которые по своим способностям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; люди, у которых выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны»¹⁴. К этой характеристике нам в дальнейшем придется еще раз вернуться.

«Русские друзья», как их не раз именуют в переписке Маркс и Энгельс, с 1870 г. начинают в изобилии снабжать последних русскими изданиями. Русские книги по самым разнообразным вопросам посылали Марксу и Энгельсу многие лица и прежде всего П. Л. Лавров, Н. И. Утин, Г. А. Лопатин, М. М. Ковалевский, Н. Даниельсон и др. Письма Маркса к названным лицам в 70-х годах пестрят упоминаниями о полученных им изданиях, при чем в ряде случаев речь идет о целых партиях книг¹⁵.

На Энгельса и в первую очередь на Маркса с начала 70-х годов обрушился целый поток русских изданий, едва только стало известно, что эти издания доступны основоположникам марксизма в оригинале. Нет ничего удивительного в том, что отдел русских книг в библиотеке Маркса насчитывал не одну тысячу томов¹⁶.

Неудивительно также то, что среди этих книг имелись и сочинения Добролюбова. Во-первых, отдельные статьи его могли оказаться в тех же томах «Современника», о которых упоминает Зензинов, а во-вторых, мы имеем прямые указания, что в библиотеке Маркса был экземпляр, а вероятнее всего и не один, а два экземпляра собрания сочинений Добролюбова. Последнее подтверждается прямым указанием Маркса в письме его к Даниельсону от 9 ноября 1871 г., где Маркс благодарит за присылку сочинений Добролюбова: «Горячо благодарю Вас за проявленное Вами по отношению ко мне участие. С сочинениями Эрлиба [т. е. Добролюбова, — по конспиративным соображениям в письме, направляемом в Россию, Маркс дает его фамилию по-немецки — Erlieb. — А. Н.] я отчасти уже знаком»¹⁷. Кроме того в числе русских книг из библиотеки Маркса, хранящихся в архиве «Vorwärts'a», Ф. Гинзбург упоминает несколько томов собрания сочинений Н. А. Добролюбова (изд. 1862 г.) с пометками рукой Маркса в тексте некоторых статей¹⁸.

Таким образом можно считать установленным, что с сочинениями Добролюбова Маркс познакомился вскоре после изучения им русского языка. Пометки рукой Маркса в тексте описанного исследователем экземпляра сочинений Добролюбова, находившегося в архиве «Vorwärts'a», имеются только в первом томе и то лишь в отдельных статьях¹⁹. Повидимому, впервые Маркс читал другой экземпляр сочинений Добролюбова, до нас не дошедший, а описанные книги являются как раз теми, которые были присланы Даниельсоном. Всего нам известно три случая упоминания имени Добролюбова в сочинениях Маркса и Энгельса: один из них принадлежит Марксу (в цитированном письме к Даниельсону от 9 ноября 1871 г.) и два Энгельсу — в одной из статей «Об эмигрантской литературе», опубликованной в газете «Der Volksstat» (№ 118 за 1874 г.) и в письме к Е. Паприку от 26 июня 1884 г.). Следовательно, все случаи упоминания имени Добролюбова в сочинениях основоположников научного социализма относятся к тому времени, когда они уже имели полную возможность ознакомиться с его сочинениями, когда они установили личные связи с новым поколением революционеров-эмигрантов из

России, получивших хвалебную характеристику Энгельса, и, наконец, когда они имели ясное представление о современном положении в России и ее недавнем прошлом из обильного печатного материала (в том числе и из нелегальных изданий), доступного им в оригинале.

Обратимся к рассмотрению текстов Маркса и Энгельса, содержащих упоминание имени Добролюбова. В одном из писем к Марксу, направляя ему сочинения Добролюбова, Даниельсон писал: «На днях я послал вам произведения одного из лучших русских публицистов и критиков — Добролюбова. В часы отдыха они доставят вам настоящее наслаждение. Надо заметить, что автор умер очень молодым: ему было только двадцать пять лет. Он был другом автора «On Mill's Pol. Economy»²⁰. В ответе на это письмо Маркс 9 ноября 1871 г. благодарит Даниельсона за присланные книги и добавляет при этом: «С сочинениями Эрлиба я отчасти уже знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро»²¹.

Одна из статей Энгельса «Об эмигрантской литературе» (третья по порядку в этой серии), опубликованная в конце 1874 г., в той части, которая содержит упоминание имени Добролюбова, посвящена разбору примиренческой позиции редактируемого П. Л. Лавровым обозрения «Вперед» в борьбе бакунистов с вождями Интернационала. Указывая, что решение Гаагского конгресса об исключении бакунистов из Интернационала тактически и принципиально было вполне обосновано и что неизбежно было опубликование «грязной стороны русского движения», Энгельс заканчивает: «Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, прыгают, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им»²².

Упоминание имени Добролюбова в письме Энгельса к Е. Паприц, датированном 26 июня 1884 г., наименее известно, так как текст письма впервые опубликован лишь в конце 1935 г. На этом документе следует задержаться подробнее, приведя текст его, и связанных с ним материалов, полностью и попытаюсь установить, кто был адресатом Энгельса²³.

В архиве Энгельса было обнаружено письмо Е. Паприц, послужившее поводом для ответного письма Энгельса от 26 июня 1884 г. Привожу текст его полностью²⁴.

31, Bedford Place, Russel Square
26 июня 1884 г.

Многоуважаемый г. Энгельс!

Я позволяю себе обратиться к вам с просьбой о совете, в надежде, что он, несомненно, будет лучшим из всех, которые могут быть мне даны по интересующему меня вопросу.

Существует достаточно широко распространенное мнение, что русские социалисты лучше всех других подготовлены для революции. Мне кажется, что этот взгляд верен только наполовину. Репрессии вызывают у них большую силу сопротивления, быть может увеличивают энергию. Но, с другой

стороны, русские являются невеждами в общественных делах. В случае революции, русские социалисты не будут знать, что делать со своей победой, они ее потеряют, потому что у них нет прочных принципов, организации, настоящих научных знаний (некоторые счастливые исключения имеются). Если бы вы могли познакомиться с социалистическими брошюрами, которые распространяются среди русской молодежи, я уверена, вы согласились бы со мной. Они продиктованы чувствами, а не идеями, не знанием. Они возбуждают революционное чувство, но не дают глубокого понимания. Возможно, что почва для революции в России подготовлена, но разве может быть хорошей жатва, если плохи семена?

Именно с этой целью, — с целью распространения в русском обществе идей научного социализма, — в Москве предпринято издание литографированного журнала (печатать, к несчастью, невозможно) «Социальное знание» («La Science Sociale»). Программа включает переводы работ о научном социализме.

Не будете ли вы так добры перечислить те из мало известных статей ваших и Маркса, которые были опубликованы в журналах. За исключением «Проложения рабочего класса в Англии», «Жилищного вопроса», «Социализма научного и утопического» ничего не переведено. Теперь я перевожу «Очерки критики политической экономии». Я очень хотела бы иметь последний манифест к английским рабочим, но не могу его найти. Не будете ли вы так добры дать мне указания, где его можно найти в Лондоне, а также, где можно было бы купить «Анти-Дюринга».

Я вас прошу, не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим серьезно учиться, убежденные, что невежество не может привести ни к чему хорошему и что только наука может осветить нашу дорогу.

Всегда готовая к вашим услугам

Евгения Паприц
(Eugénie Paprietz)

На это письмо, дошедшее до Энгельса в тот же день, Энгельс сразу же написал следующий ответ ²⁵.

Лондон, 26 июня 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

«Сударыня!»

Про литографированную газету, о которой Вы говорите, я уже слышал, хотя мне не удалось еще увидеть ни одного экземпляра.

Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы наверное знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски многие из наших работ, а вскоре будут переведены и напечатаны еще некоторые, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., «Наемный труд

и капитал» [заглавие написано Энгельсом по-русски. — А. Н.], тоже принадлежит к этой серии и напечатана под этим заглавием.

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Очерки [критики политической экономии]». Хотя я еще немножко горжусь этой своей первой работой в области социальных наук, я очень хорошо знаю, что теперь она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и грубых промахов («boulettes»). Боюсь, что она принесла бы больше вреда, чем пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр «Анти-Дюринга».

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь было бы трудно разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставленных Марксом, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к английским рабочим Вы говорите. Может быть Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции», манифест Интернационала по поводу Парижской коммуны? Могу его Вам послать.

Если бы здоровье мне позволяло, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя дома я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда в Вашем распоряжении около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении

Ф. Энгельс

Наводящую нить для установления того, кто такая была Евгения Паприц, дает юбилейный сборник статей, посвященный 50-летию «Русских Ведомостей»²⁶. В этом сборнике, в алфавитном списке сотрудников газеты за период в 50 лет, указана Линева, Евгения Эдуардовна, урожденная Паприц, занимавшаяся исследованием русской музыки и давшая несколько статей («Жива ли народная песня», «Народная консерватория») для «Русских Ведомостей».

Собранный в специальных справочниках материал и полученные сведения от лиц, лично знавших Е. Э. Линеву, дают возможность восстановить основные контуры интересующей нас биографии²⁷.

Е. Э. Линева (урожденная Паприц) родилась 28 декабря 1853 г. в Брест-Литовске в семье преподавателя кадетского корпуса. Семья Паприц впоследствии переехала на постоянное жительство в Москву, где Евгения Эдуардовна училась в Екатерининском институте. Проявляя с детства большие музыкальные способности (14 лет Е. Паприц дирижировала хором), она получила законченное музыкальное образование, обучаясь пению сначала у матери (ученицы Глинки), а затем в Петербургской консерватории (по классу Росси) и в Вене (у Маркези). Вначале Е. Э. Паприц выступала как концертная и оперная певица в ряде иностранных городов (Вена, Лондон и др.), а в 1882—1883 гг. пела в оперной труппе Большого театра в Москве.

Очевидно около 1883 г., оставив сцену, Е. Паприц уехала за границу, где вышла замуж за инженера Александра Лонгиновича Линева, эмигранта 70-х годов, сотрудника «Вперед» П. Л. Лаврова. Отказавшись от оперной карьеры, она посвятила себя изучению, собиранию и исполнению народных песен, и ряд лет (до 1897 г.) жила за границей. Позднее, в 1891 г., она организовала в Америке из эмигрантов большой хор по исполнению русских песен, с которыми успешно выступала во многих крупных американских городах (Нью-Йорк, Чикаго и др.).

Вернувшись из-за границы в 1897 г. в Москву, Е. Э. Линева организовала хор, ряд лет с успехом исполнявший народные песни. К этому периоду относятся ежегодные экскурсии Е. Э. Линевой в глухие места Поволжья, Севера, Украины и др. для записи народных песен, при чем ею впервые был с успехом применен фонограф. В результате многолетней работы было собрано значительное количество народных песен, впоследствии опубликованных Линевой в издании Академии Наук (всего было выпущено 3 сборника: «Великорусские песни» — 1904 г., «Новгородские песни» — 1909 г. и «Украинские песни» — ок. 1910—1911 гг.). Одновременно с этим с начала XX в. Е. Э. Линева состояла секретарем музыкальной комиссии при Московском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1905—1906 гг. по инициативе Е. Э. Линевой открыта была в Москве Народная консерватория (см. статью Линевой «Народная консерватория» в № 259 «Русских Ведомостей» за 1905 г.) Организованная на общедоступных началах (при годовой плате за обучение в размере 3 руб.), при участии среди преподавателей Энгеля, Танеева, Брюсовой, Яворского, Гречанинова и др. Народная консерватория пользовалась большой популярностью и количество учащихся исчислялось в ней сотнями (по составу это были мелкие служащие, учащиеся, в некоторых районах рабочие, например печатники в районе Тверской улицы). Занятия производились в 10 районных базах, в помещении школ. Постоянным членом бюро, руководившим работой консерватории, являлась Е. Э. Линева. Народная консерватория просуществовала до передачи ее в ведение МУЗО Наркомпроса и выпустила ряд законченных музыкантов.

Е. Э. Линева умерла в первых числах января 1919 г.

Никаких прямых указаний на связь Е. Э. Линевой с революционными организациями 80-х годов и на обстоятельства, толкнувшие ее обратиться с письмом к Энгельсу, мы не имеем. Однако целый ряд косвенных данных дают нам возможность подтвердить предположение Б. Николаевского о составе издательской группы в Москве и участии в ней Линевой²⁸.

Б. Николаевский предполагает, что поскольку, судя по фамилии (Паприц), адресатка Энгельса является полькой или литовкой, ее коллег по издательской группе следует искать среди польских и литовских социалистов, живших в начале 80-х годов в Москве. Наиболее вероятными соучастниками Е. Паприц по издательской деятельности он считает Людвиг Яновича (студент Петровской сельскохозяйственной академии) и Болеслава Малиновского (воспитанник технического училища). И Янович и Малиновский уже в те годы связаны были с польским «Пролетариатом», — через них «Общественный союз» получал литературу «Пролетариата». Кроме того Янович всегда обнаруживал интерес к европейскому рабочему движению и тяготение к научному социализму, но несмотря на это в 1884 г. примкнул к «Народной воле». Что же касается участия в революционном движении Е. Паприц-Линевой, то, не ставя под сомнение искренность сочувствия ее революционному движению, тот же автор отмечает, что адресатка Энгельса «не сливается целиком с русскими революционерами, смотрит на них в известных пределах со стороны».

Правильность этих предположений подтверждается целым рядом обстоятельств. Популярность Е. Паприц-Линевой среди московского студенчества засвидетельствована лично знавшими ее людьми. Брат ее Константин Эдуардович Паприц учился в той же Петровской сельскохозяйственной академии, что и Янович²⁹. Наконец, сопоставление заграничной жизни и развивающегося на Западе рабочего движения, несомненно бросившегося Е. Паприц в глаза в годы учения и начала самостоятельной жизни ее за границей, с той российской действительностью, которая предстала перед ней

по возвращении в 1882 г. в Москву, могло оказаться достаточным толчком для того, чтобы Е. Паприц приняла деятельное участие в «распространении в русском обществе идей научного социализма» (из письма Паприц к Энгельсу).

Но, с другой стороны, ряд моментов в биографии Е. Э. Линевой дают нам основание подчеркнуть в ней типично либерально-народническое настроение. Характерно, что по отношению к ней мы не имеем ни одного случая правительственных репрессий и что то же народническое настроение бросалось в глаза и тем, кто лично знал Линеву в период с 1897 г.³⁰ В полном соответствии с этим стоит и интерес Е. Э. Линевой к народному музыкальному творчеству и систематические ее экспедиции в «народную массу» для записи песен, наконец, принадлежащая ей идея «Народной консерватории», потребовавшая для ее претворения в жизнь несомненно огромных усилий и энергии.

Это народническое настроение Е. Паприц-Линевой дает нам основание счесть обмен письмами между Е. Паприц и Энгельсом второстепенным эпизодом в биографии Е. Э. Линевой — недаром в памяти ее современников она сохранилась прежде всего как собирательница образцов народного музыкального творчества и как общественница-педагог в области музыкального образования. Но этому эпизоду мы обязаны тем, что до нас дошла наиболее развернутая характеристика Н. А. Добролюбова, принадлежащая одному из основоположников научного социализма.

Какая же сводная характеристика Н. А. Добролюбова может быть дана на основании приведенных отзывает о нем Маркса и Энгельса?

В первых двух отрывках (Маркс — письмо к Даниельсону и Энгельс — статья об «Эмигрантской литературе») Добролюбов характеризуется прежде всего как писатель крупного масштаба, равный Лессингу и Дидро (Маркс), как «социалистический Лессинг» (Энгельс). Если вспомнить ту высокую оценку, которую давали Маркс и Энгельс Лессингу и Дидро, понятно будет сколь почетным в их глазах было сравнение с ними Добролюбова. Ведь в своей статье 1842 г. («Дебаты о свободе печати») Маркс писал: «Если немец оглянется назад, на свою историю, то главную причину своего медленного политического развития, а также и жалкой литературы до Лессинга, он увидит в «компетентных писателях»³¹. Что же касается Дидро, то оценка его дана Энгельсом в 1878 г. («Анти-Дюринг», Введение) и дословно повторена им в 1880 г. («Развитие социализма от утопии к науке»): «Однако, — пишет Энгельс, — вне этой области [имеется в виду область философии. — А. Н.] они [французы XVIII в. — А. Н.] смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми»³². А в 1888 г. («Людвиг Фейербах») Энгельс пишет: «Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь служению «истине и праву» (в хорошем смысле этих слов), то именно Дидро»³³.

В письме к Е. Э. Паприц-Линевой Энгельс дает более развернутую оценку Добролюбова не только как ведущего писателя «исторической и критической школы в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой», но и как типичного представителя «критической мысли и самоотверженных исканий чистой теории».

Такая оценка явно расширяет характеристику Добролюбова за обычные рамки чисто литературной деятельности и, судя по всему контексту письма, содержит прямой намек на полное признание Энгельсом исключительно большого общественного значения Добролюбова, с одной стороны, и огромной роли его в деле подготовки «русских социалистов» для революции, о котором пишет Е. Э. Паприц-Линева в своем письме к Энгельсу.

Крайне характерно также, что из трех приведенных цитат Маркса и Энгельса в двух случаях (обе цитаты Энгельса) имя Добролюбова упомянуто рядом с именем Чернышевского, при общей для них обоим характеристике. Это дает нам основание для оценки Добролюбова Марксом и Энгельсом привлечь более законченные отзывы последних о Чернышевском.

Имя Чернышевского упоминается в произведениях и письмах Маркса и Энгельса в 13 случаях на протяжении периода с 1870 г. по 1894 г. Из этих 13 текстов лишь 4 принадлежат Энгельсу, а остальные написаны Марксом. Нельзя не отметить, что первое упоминание имени Чернышевского относится к тому же 1870 г., когда Маркс имел возможность, овладев русским языком, самостоятельно и широко ознакомиться с русской действительностью. Характерно, что первые точные сведения о судьбе Чернышевского получены были Марксом только в 1870 г., — по крайней мере такое впечатление создается из чтения письма его к Энгельсу от 5 июля 1870 г., в котором эти сведения сообщаются как новость⁸⁴.

Прежде всего обращает на себя внимание огромный интерес Маркса и Энгельса к Чернышевскому и его произведениям. Уже 2 августа 1870 г., в письме к И. Беккеру Маркс просит прислать ему IV том сочинений Чернышевского, только что вышедший в Женеве и содержащий основную экономическую работу Николая Гавриловича: «Очерки из политической экономии по Миллю»⁸⁵. А из письма Маркса к Даниельсону от 19 января 1873 г. мы узнаем, что «значительная часть» сочинений Чернышевского Марксу уже известна⁸⁶. Насколько внимательно Маркс знакомился с произведениями Чернышевского, мы можем судить по сохранившемуся экземпляру «Очерков из политической экономии по Миллю» из библиотеки Маркса. Эта книга вся испещрена подчеркиваниями и замечаниями последнего, как правило, весьма благожелательными и одобрительными для автора⁸⁷.

Марксу и Энгельсу Чернышевский был известен не только как «великий русский ученый и критик»⁸⁸, но и как последовательный революционер, полностью использовавший свои огромные научные познания и талант публициста в борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Уже в упомянутом письме к Энгельсу от 5 июля 1870 г. Маркс подчеркивает следующие слова из приговора по делу Чернышевского (в передаче Лопатина): Чернышевский «сохраняет в своих сочинениях неуязвимую с точки зрения закона форму и вместе с тем открыто изливает в них яд». Маркс читает непропущенные царской цензурой «Письма без адреса» и в письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 г. замечает: «Рукопись очень интересная. С нетерпением ожидаю обещанной критики (рукописной), а также всякого печатного материала, которым вы обладаете по этому вопросу»⁸⁹. Маркс хорошо осведомлен о жестокой расправе царского правительства с Чернышевским, принимает близкое участие в предпринятой Лопатиным попытке организовать побег Николая Гавриловича из Сибири и, выражая в письмах к Даниельсону желание «напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему на Западе», спрашивает совета (письмо от 18 января 1873 г.): «должен ли я [т. е. Маркс. — А. Н.] говорить только о его [Чернышевского. — А. Н.] научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности?»⁴⁰.

Но наиболее полно развернутая характеристика Чернышевского как мыслителя, оказавшего огромное влияние на развитие революционного движения в России, дается Энгельсом в его послесловии к статье «О России» (1894 г.). Указывая, что среди защитников русской общины был и Чернышевский, «великий мыслитель, которому столь бесконечно многим обязана Россия и медленное убийство которого долголетней ссылкой в Якутской тайге останется навсегда позорным пятном на правительстве Александра II «Освободителя», — Энгельс продолжает: «Вера в чудодейственную

силу общинного землевладения, из недр которого будто бы может и должно явиться социальное перерождение, — вера, от которой не был совсем свободен и Чернышевский, — сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских борцов. Их было едва несколько сот человек, но своей самоотверженностью и отвагой они довели царский абсолютизм до того, что он уже принужден был подумывать о возможности и об условиях капитуляции...»⁴¹. Как видим, эта характеристика Чернышевского Энгельсом в основном совпадает с характеристикой его Добролюбова и Чернышевского в письме к Е. Э. Паприц-Линевой и дается лишь в более точной и не дающей оснований для сомнений формулировке.

Из всех приведенных отзывов Маркса и Энгельса о Добролюбова с Чернышевским следует не только глубокое уважение и безусловное признание за русскими «социалистическими Лессингами» их исключительного литературного и научного значения, но и высокая их оценка как мыслителей-революционеров, оказавших решающее влияние на развитие революционного движения в России.

Особую ценность характеристике Добролюбова и Чернышевского в работах основоположников научного социализма придает то, что она давалась на основании тщательного изучения их произведений и тех условий русской действительности, в которой эти произведения были созданы. Маркс и Энгельс не могли не видеть слабых мест в мировоззрении как Добролюбова, так и Чернышевского, — в подтверждение этого достаточно указать на целый ряд серьезных замечаний Маркса к ряду мест в произведениях Чернышевского⁴². Но они учитывали условия, в которых жили и работали Добролюбов с Чернышевским и которые не давали объективной возможности преодолеть им свои недостатки.

Оценка основоположниками научного социализма Добролюбова и Чернышевского чужда была формальной критики. Они оценивали русских революционеров-публицистов, если так можно сказать, — в историческом контексте и подчеркивали не слабые их стороны, которые были вполне объяснимы, а основное их значение с точки зрения перспектив революционного движения. Именно это значение имеет следующий абзац в послесловии к статье Энгельса «О России»: «Чернышевский, благодаря интеллектуальному барьеру, отделяющему Россию от Западной Европы, никогда не читал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», Чернышевский давно уже сидел в Средне-Вилойске, среди якутов⁴³. Все его духовное развитие по необходимости протекало в тех условиях, которые созданы были цензурным гнетом. Чего не пропускала в Россию цензура, то почти или даже совсем не существовало для русских. Поэтому если мы находим у него, в отдельных случаях ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев сравнительно мало» [подчеркнуто мною. — А. Н.]⁴⁴.

В лице Добролюбова и Чернышевского Маркс и Энгельс видели не только талантливых исследователей и литераторов, но и воспитателей и руководителей того нового поколения русских революционеров, тех «выходцев из народа», которые пришли на смену прежним эмигрантам из дворян-аристократов (Герцен, Бакунин и др.) и у которых, как уже указывалось выше (см. выше — письмо Энгельса от 14 июня 1874 г.), «выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны».

II

Оценка Н. А. Добролюбова Лениным более известна и при ее определении нет необходимости привлекать побочные материалы, как то приходилось делать при работе над текстом из работ Маркса и Энгельса.

Упоминание имени Добролюбова встречается в восьми законченных и опубликованных в печати работах Ленина. Работы эти написаны в период с 1901 по 1918 г. включительно, но поскольку статья 1901 г. («Начало демонстраций») не содержит никаких элементов оценки Добролюбова⁴⁵, мы в праве ограничить этот период более узкими рамками: с декабря 1909 г. («О вехах») по апрель 1918 г. («Очередные задачи советской власти»).

Приведем соответствующие отрывки из этих произведений Ленина, указав положение их в контексте.

Статья «О вехах» (1909 г. — декабрь) посвящена сборнику под этим названием, выпущенному влиятельными кадетскими публицистами (П. Струве, Бердяев, Булгаков и др.) после поражения революции 1905—1907 гг. Разоблачая авторов сборника, подтверждающего полный разрыв «русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями», Ленин пишет: «...«Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть»⁴⁶.

В статье «Избирательная кампания в IV Думу» (1912 г. — май), выясняя расстановку политических сил в предвыборную кампанию, при которой либеральные буржуа надеялись «ехать к триумфу» на «тройке» («кадеты — оппозиционный центр, коренник; пристяжки («фланги») — прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева»), Ленин дает следующую характеристику ликвидаторов, особенно подчеркивая ревизию ими демократической позиции Добролюбова: «Посмотрите на ликвидаторов. Как ни веляют, как ни вертятся Мартыновы, Мартовы и К^о, а всякий добросовестный и толковый читатель признает, что Р-ков именно их взгляды подытожил, когда сказал: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма»... Неужели не ясно, что ту же песенку поют и Левицкие, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, от демократизма к либерализму, и Смирновы, делающие глазки «прогрессизму», и все прочие рыцари «Нашей Зари» и «Живого Дела»⁴⁷.

В статье «Памяти Герцена» (1912 г. — май), давая известную характеристику Герцена как представителя «первого поколения» русских революционеров, колеблющегося между либерализмом и демократизмом, Ленин противопоставляет ему Добролюбова и Чернышевского как последовательных демократов: «...Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру III Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представляющие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму...»⁴⁸.

К краткой статье «Либералы и свобода союзов» (1913 г. — май), разоблачая поворот буржуазии, даже «самой либеральной», вправо, Ленин указывает, что навязывание рабочим «либеральной узости», выдавая ее за мнение самих рабочих, избитый прием либералов, успешно разоблаченный последовательными демократами Добролюбовым и Чернышевским еще в период

отмены крепостного права: «Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, в подкладке которого было всегда стремление укротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»⁴⁹.

Статья «Нужен ли обязательный государственный язык» (1914 г. — январь) посвящена выяснению истинной позиции в этом вопросе либералов. Ленин приходит к выводу, что взгляды либералов на обязательный государственный язык тождественны взглядам реакционеров и отмечает лишь, что «позиция либералов — гораздо «культурнее» и «тоньше». Добролюбов в этой статье упомянут наравне с Тургеневым, Толстым и Чернышевским, как один из писателей, язык которого «велик и могуч».

В статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» (1917 г. — январь) во второй главе, посвященной разбору замаскированного буржуазного пацифизма Каутского и Турати, при котором «на деле у обоих добреньких пацифистов получилось именно оправдание войны», Ленин отводит все возможные оправдания этих «социалистов» и напоминает: «что даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду — то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский»⁵⁰.

Наконец, последнее упоминание о Добролюбове мы имеем в известной статье Ленина «Очередные задачи советской власти» (1918 г. — март — апрель). В этой статье, Ленин дает анализ существовавшего в тот момент «трудного» и «опасного» международного положения советской республики и тяжелых условий строительства внутри страны советов и указывает, что — «борьба с бюрократическими извращениями Советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазных парламентов даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для масс рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского»⁵¹.

Мы привели все случаи упоминания имени Добролюбова в ленинских произведениях и можем, на основании приведенных текстов, установить общую оценку Добролюбова Лениным и выяснить причины особого интереса его к этому «просветителю» 60-х годов.

Прежде всего, при чтении этих текстов бросается в глаза исключительно положительная оценка Добролюбова — во всех случаях упоминания его имени Ленин выставляет Добролюбова как образец. Ленин признает исключительно высокую роль Добролюбова в русской литературе, ставя его литературный талант на одном уровне с талантом Тургенева, Толстого и Чернышевского (см. статью «Нужен ли обязательный государственный язык») и чрезвычайно высоко оценивает его публицистические способности (см. статью «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»).

Но главное внимание Ленина привлекает основная черта в деятельности Добролюбова — черта последовательного революционного демократизма. Не случайно Ленин приводит имя Добролюбова как раз в тех своих работах, основной удар которых направлялся против либералов всех толков и направлений (статьи периода 1909—1914 гг.) или против соглашательской и контрреволюционной позиции социал-демократии (статьи 1917—1918 гг.). Ленин вспоминает Добролюбова и его непримиримую борьбу с либералами

при анализе позиции либеральной буржуазии в XX в., «предающей» революцию «во всякий серьезный момент» и по существу, после поражения революции 1905—1907 гг., вставшей на сторону контрреволюции (см. статьи «О Вехах», «Избирательная кампания в Думу», «Либералы и свобода союзов»).

В этих статьях Ленин упоминает о попытках ревизии демократических идей Добролюбова со стороны либеральных публицистов и ликвидаторов, идущих на поводу у либералов, и характеризует Добролюбова как последовательного демократа, в свое время высмеивавшего либералов за реформизм. Касаясь оценки соглашательской и по существу контрреволюционной роли социал-демократии в годы империалистической войны и пролетарской революции (см. статьи «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» и «Очередные задачи советской власти»), Ленин опять-таки указывает на Добролюбова, как на истинного демократа, публициста-бойца, умеющего защищать интересы широких трудящихся масс в самых тяжелых условиях полицейского гнета.

Таким образом в текстах произведений Ленина Добролюбов рисуется нам прежде всего как образец последовательного революционного демократизма, использовавшего в интересах трудящихся все средства борьбы с самодержавно-крепостническим строем и ведшего неустанную, последовательную борьбу с либералами, предававшими интересы трудящихся.

Крайне любопытно, что в рассмотренных нами текстах Ленина имя Добролюбова в шести случаях из семи (из общего их числа отрывок из статьи 1901 г. «Начало демонстраций» мы, как уже указывалось, исключили — см. стр. 29—30) упомянуто наравне с именем Н. Г. Чернышевского, при чем изложенная выше характеристика Добролюбова в равной мере отнесена и к Чернышевскому. Количество отрывков из произведений Ленина о Чернышевском, как известно, значительно большее и из текста их еще ярче вырисовывается та же черта «великого просветителя» 60-х годов, выдвигаемая Лениным на первый план — черта последовательного революционного демократизма.

Оставляя в стороне другие тексты Ленина о Чернышевском, как хорошо известные⁵², остановимся лишь на замечаниях Ленина к работам Плеханова⁵³ о Чернышевском. Эти замечания сделаны Лениным в конце 1910 г. или в начале 1911 г. и обнаруживают тщательную критическую проработку книги Плеханова, с детальным сличением новой редакции его работы о Чернышевском с редакцией статей 1890—1892 гг. Читая книгу, Ленин на полях отмечал случаи изменения старого текста, иногда сопровождая их замечаниями, а также выделяя ряд положений Плеханова, путем отчеркивания соответствующих фраз и абзацев. Некоторые из этих текстовых выделений и замечаний Ленина имеют для разбираемого нами вопроса особый интерес. Так, в тексте книги Плеханова Лениным подчеркнуты два места, относящиеся к Добролюбову: «Чернышевский рассказывает, что Тургенев мог еще выносить его до некоторой степени, но зато уже окончательно не терпел Добролюбова. «Вы простая змея, а Добролюбов — очковая я», — говорил он Чернышевскому [выделенные слова подчеркнуты Лениным. — А. Н.]. Таким же образом выделено Лениным следующее место текста: «Впрочем, большинство статей в «Свистке», вызывавшем особенное неудовольствие благовоспитанных либералов, принадлежало не Н. Г. Чернышевскому. Он только изредка принимал в нем участие, так как был завален другой работой».

Любопытно также, что Ленин подчеркнул то место у Плеханова, где говорится, что «Чернышевский сблизился с такими материалистами, как Ламетри и Дидро», что невольно заставляет нас вспомнить характеристику Добролюбова, данную Марксом и Энгельсом.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
Портрет работы Б. М. Кустодиева, масло
Местонахождение оригинала неизвестно

Но наиболее четкое подтверждение установленного нами выше отношения Ленина к Чернышевскому мы находим в двух замечаниях Ленина, сделанных на полях книги Плеханова. Плеханов пишет: «Подобно своему учителю, Чернышевский также сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества...». Подчеркнув эти слова, Ленин на полях замечает: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском»⁵⁴. Эта же мысль, но в раскрытой форме дается Лениным в другом замечании к такому тексту Плеханова. Вот это место: «Если иногда этот, по существу своему идеалистический, взгляд на политику уступает место другому взгляду, являющемуся как бы зачатком материалистического понимания, то это есть лишь исключение, совершенно подобное тому, с которым мы встречались при изучении исторических взглядов Чернышевского: читатель помнит, что в этих взглядах, тоже идеалистических по своему существу, тоже встречались зачатки материалистического взгляда на историю». И на полях, рядом с приведенным текстом, имеется следующее замечание Ленина: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практическо-политическое и классовое различие либерала и демократа»⁵⁵.

Таким образом в этих замечаниях Ленина еще раз подчеркнута основная черта, определявшая в его глазах оценку и значение «просветителей 60-х годов — их практическая деятельность, на основе четкой политической и классовой позиции, резко отличающей их, как демократов-разночинцев от либералов-дворян.

Подведем итоги. Мы можем констатировать полное тождество в оценках Н. А. Добролюбова Марксом, Энгельсом и Лениным, совпадающих иногда до мелких деталей. Оценка эта, исключительно для Добролюбова благоприятная, свидетельствует об огромном интересе и о глубоком уважении к нему со стороны основоположников марксизма-ленинизма.

Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценят литературный талант Добролюбова, ставя его в ряд крупнейших писателей своего времени. Но в первую очередь они видят в нем яркого представителя революционной публицистики, мыслителя-революционера, основной чертой деятельности которого является единство мысли и действия, вождя и учителя революционной молодежи — нового поколения революционеров «из народа», неутомимого и последовательного борца за интересы трудящихся масс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 16 и 168.

² Там же, т. XXVI, стр. 58—59. О. Мейснер, издатель работ Маркса, выпустивший I том «Капитала».

³ Там же, т. XXIV, стр. 239.

⁴ Там же, т. XXVI, стр. 32.

⁵ Там же, т. XXIV, стр. 278.

⁶ Цит. по тексту «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г. стр. 357.

⁷ Там же, стр. 369. См. также письмо Маркса к Энгельсу от 22/II 1870 г. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 281.

⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 286.

⁹ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 369.

¹⁰ Уже в июле 1870 г. Марксу от Лопатина стало известно, что Бориейм, услугами которого он раньше пользовался для ознакомления с русскими изданиями, имеет очень сомнительные познания в русском языке, о чем он немедленно и сообщил Энгельсу — см. письмо от 5/VII 1870 г. (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 348).

¹¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 309—310.

¹² До 1871 г. мы имеем одно письмо Маркса к Даниельсону (1868 г.), в 1871 г. таких писем уже 4, в 1872 г.—3, в 1873—3, в 1878 г.—2, в 1879 г.—2, в 1880 г.—1 и в 1881 г.—2.

¹³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 534.

¹⁴ Там же, т. XXVI, стр. 267.

- ¹⁵ Там же, т. XXVI, стр. 122, 315, 351, 381, 382, 456 и др.
- ¹⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 357.
- ¹⁷ Маркс и Энгельс, Соч. т. XXVI, стр. 164.
- ¹⁸ «Архив Маркса и Энгельса» т. IV, 1929 г., стр. 384. См. также т. IV сборников «Группа Освобождение труда» — Ф. Гинзбург: «Русские книги в библиотеке Маркса и Энгельса», стр. 387.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Цит. по книге В. Полянского, Н. А. Добролюбов, изд. «Academia», 1933 г., стр. 10.
- ²¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 164.
- ²² Там же, т. XV, стр. 235.
- ²³ В именном указателе к т. XXVII сочинений Маркса и Энгельса, в котором письмо опубликовано, это лицо не установлено. Б. Николаевский в своей статье «Русские книги в библиотеке Маркса и Энгельса» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 355—423) приводит текст письма Евгении Паприц, но о личности Е. Паприц высказывает лишь самые общие предположения (стр. 364) и лишь предполагает существование ответа Энгельса.
- ²⁴ Текст письма Е. Паприц взят из «Архива Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 363—364.
- ²⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 389—390.
- ²⁶ «Русские Ведомости», 1863—1913 гг., М. 1913 г. Это издание, как путь для выяснения личности Е. Паприц, указано мне Б. П. Козьминым.
- ²⁷ Ценные указания мною получены от Е. Д. Денисовой, А. В. Никольского, В. В. Пасхалова и С. С. Попова, охотно сообщивших известные им сведения о Е. Э. Линевой.
- ²⁸ См. статью Николаевского в «Архиве Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 364—366.
- ²⁹ Паприц К. Э., по окончании курса в Петровской сельскохозяйственной академии в течение недолгого времени работал в статистическом комитете самарского земства и 9/X 1883 г. умер в Москве. Им написан ряд стихотворений, повесть «На Волге» (см. «Русская Мысль» за 1881) и очерки «Келейник» и «Бурлак» «Русский Курьер» за 1883 г.).—См. Д. Д. Языков «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», вып. III, СПб. 1887 г., стр. 64.
- ³⁰ Те же черты можно усмотреть и в краткой биографической справке о ее брате—К. Э. Паприц (см. предыдущее примечание).
- ³¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 184.
- ³² Там же, т. XIV, стр. 20 и т. XV, стр. 520.
- ³³ Там же, т. XIV, стр. 654.
- ³⁴ Там же, т. XXIV, стр. 349.
- ³⁵ Там же, т. XXVI, стр. 66.
- ³⁶ Там же, т. XXVI, стр. 315.
- ³⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 385—390.
- ³⁸ См. Послесловие ко 2-му изд. «Капитала», помеченное 24/1 1873 г. (Маркс «Капитал», т. I, изд. 8-е, Соцэкгиз, 1931 г., стр. XIX).
- ³⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 306.
- ⁴⁰ Там же, т. XXVI, стр. 315.
- ⁴¹ Энгельс—О России, изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 28, 37—38.
- ⁴² «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929 г., стр. 385—391.
- ⁴³ Здесь некоторая неясность. В год появления 1-го издания «Капитала» на немецком языке (1867 г.) Чернышевский находился на каторге в Александровском заводе. Но возможно, судя по контексту, здесь Энгельс имеет в виду год выпуска русского издания «Капитала» (1872 г.). В этом году Чернышевский действительно был переведен в Вилуйск, и тогда неточность Энгельса заключается лишь в том, что он это место называет «Средне-Вилуйском».
- ⁴⁴ Энгельс—О России, изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 28.
- ⁴⁵ В этой работе лишь упоминается о демонстрации по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова (Ленин, Соч., т. IV, стр. 346). Все цитаты Ленина даны по 3-му изданию его сочинений.
- ⁴⁶ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 218.
- ⁴⁷ Там же, т. XV, стр. 459.
- ⁴⁸ Там же, т. XV, стр. 466—467.
- ⁴⁹ Там же, т. XXX, стр. 211.
- ⁵⁰ Там же, т. XIX, стр. 371.
- ⁵¹ Там же, т. XXII, стр. 466—467.
- ⁵² Основные из них даны в работе Института Ленина «Ленин о Чернышевском», ГИЗ 1928 г.
- ⁵³ См. «Ленинский сборник», т. XXV, Партиздат. 1933 г., стр. 206—244.
- ⁵⁴ Там же, стр. 221.
- ⁵⁵ Там же, стр. 231.